

УДК 316.75-053.6

UDC 316.75-053.6

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В
КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ КАК ФАКТОР
КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

**THE POLITICAL PROCESS IN THE
KRASNODAR REGION AS A FACTOR OF
CULTURAL DEVELOPMENT OF THE REGION**

Степанищенко Ольга Викторовна
кандидат политических наук, старший
преподаватель кафедры истории и политологии
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный
аграрный университет», Краснодар, Россия

Stepanischenko Olga Viktorovna
Candidate of Political Sciences, senior lecturer

*FSBEE HPE «Kuban State Agrarian University»,
Krasnodar, Russia*

В статье дан ретроспективный анализ эволюции
политических настроений в Краснодарском крае,
обусловленных историей, социально-
экономическим положением и национально-
этническим составом жителей региона

The article presents a retrospective analysis of the
evolution of political attitudes in the Krasnodar region,
resulting in history, socio-economic status and
national-ethnic composition of the region's residents

Ключевые слова: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС,
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА,
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА,
САМООРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Keywords: POLITICAL PROCESSES, ELECTORAL
BEHAVIOR, POLITICAL CULTURE, POLITICAL
ELITE, SELF-ORGANIZATION POTENTIAL

Краснодарский край – один из самых крупных по числу жителей регион России – 5404,3 тыс. чел., из которых 3904,6 тыс. обладают избирательными правами. По этим показателям Кубань уступает только Москве и Московской области. Одновременно край является одним из самых густонаселенных.

Особый статус региону придает его геополитическое положение, а также экономический и транспортно-коммуникационный потенциал. После распада СССР у России остался единственный выход к Черному морю – побережье Краснодарского края. Именно Кубань обеспечивает доступ к важнейшим транспортным коммуникациям, являясь морским «окном» России в Средиземноморье и на Ближний Восток. По территории края проходят крупнейшие нефтепроводы и газопроводы, а через Новороссийский порт перекачивается до 40 % всей российской экспортной нефти. Известна Кубань и как один из самых значимых для России аграрных регионов, входящих в число стратегических с точки зрения национальной продовольственной безопасности.

На территории края располагается и основная курортно-рекреационная зона страны — черноморское побережье с соответствующей инфраструктурой и главными национальными морскими курортами (Сочи, Анапа, Геленджик). Морские порты и курортно-рекреационная индустрия — секторы современной российской экономики, характеризующиеся быстрым оборотом средств, поэтому они весьма привлекательны для внутренних и внешних инвесторов.

В ряде городов края, в первую очередь в Краснодаре, Туапсе, Армавире и Ейске, располагаются крупные промышленные предприятия (приборостроительные, станкостроительные и т. д.), входящие в полосу экономического подъема после глубокого системного кризиса.

В 1990-е гг. финансовое положение в целом соответствовало среднероссийским показателям. В начале XXI века экономические позиции края существенно укрепились. Быстрыми темпами стал возрастать валовой региональный продукт и доходы бюджета, резко увеличился приток инвестиций, в том числе и иностранных. Успехи края в развитии экономики отмечены на федеральном уровне: край стал победителем конкурса «Золотой рубль» в номинации лучший субъект Российской Федерации по экономическим показателям 2001 г., стабильно входит в пятерку наиболее инвестиционно-привлекательных регионов России.

Пестрый национально-этнический состав региона, специфика местного славянского населения, представляющего собой смесь потомков русских и украинских переселенцев XVII—XIX вв., кубанское казачество — все это создает неповторимый колорит Кубани, определяет, если воспользоваться словами русского философа К. Леонтьева, «цветущую сложность» этнического портрета региона. Сами кубанские казаки считают себя во многом самостоятельной группой, отличной и от украинцев и от русских. В крае проживают представители свыше 100

национальностей, заметную долю составляют армяне, адыгейцы, украинцы, греки. Однако подобное «многоцветие» сопряжено с межэтнической напряженностью, являющейся существенным фактором политического процесса в крае.

По мнению А. К. Магомедова, к числу значимых политических и социально-экономических характеристик Краснодарского края относится и тот факт, что в последнее десятилетие XX в. край едва не стал местом крупномасштабных военных авантур. Так, с 1991 г. идея Кавказского Союза довольно часто присутствовала в заявлениях Дудаева. В рамках данной стратегии пропагандировалась идея экспансии Конфедерации народов Кавказа в Краснодарский край с целью возрождения «Великой Шапсугии». За этим скрывались весьма прагматичные цели чеченского руководства: получить выход к Черному морю. Первая волна беженцев из горячих точек также обрушилась именно на Краснодарский край [1].

Миграционный прирост населения в 1990-е гг. в пять раз превышал среднероссийские показатели и превратился в достаточно серьезную социальную проблему: осложнились жилищный вопрос и ситуация на рынке труда, возросла нагрузка на органы социального обеспечения и здравоохранения. Особенно серьезные проблемы возникли в связи с миграцией таких этнических групп, как курды и турки-месхетинцы.

В общественном мнении, федеральных СМИ, а также среди экспертного сообщества, Кубань, с точки зрения политических предпочтений ее жителей, в пореформенный период представала сугубо «красной» [2]. Край считался регионом с ярко выраженными лево-консервативными настроениями, что выражалось в высоком уровне поддержки левых сил во время избирательных кампаний всех типов и уровней. Общий политический портрет Кубани дополняла популярность среди местных избирателей организаций национал-патриотического толка, что во многом обусловлено сложной динамикой миграционных процессов,

реакцией кубанцев на стремительные изменения «этнического лица» края, быстрый рост и укрепление в регионе диаспор, представляющих народности Северного Кавказа и Закавказья.

К концу 1990-х гг. Кубань, особенно в представлениях центральных СМИ, позиционировалась как один из ключевых и наиболее значимых оплотов «красного пояса». Имидж Кубани дополнял и образ губернатора Николая Игнатьевича Кондратенко, преподносившийся как достаточно одиозная фигура борца с жидомассонской угрозой. На Кубани же Кондратенко пользовался безоговорочным авторитетом. Такая уникальная разница в восприятии, по нашему мнению, объясняется достаточно просто. Исторически Кубань была одним из наиболее преданных власти регионов Российской империи. Уже после революции 1917 г. на территории Кубани оказывалось серьезное военное сопротивление наступающей Красной армии (именно под Екатеринодаром в боях с красноармейскими отрядами погиб в 1918 г. генерал Л.Г. Корнилов, а затем, в августе этого же года, Екатеринодар занимает армия А.И. Деникина). Только в 1920-м г. на Кубани окончательно устанавливается советская власть, но активное вооруженное сопротивление продолжалось, по крайней мере, до 1924 г.

Из Новороссийска уплывали за границу корабли с последними боеспособными частями Белой армии. Не приходится говорить и о радушном принятии революционных реформ. На Кубани практически отсутствовала та «опора» революции, какую в советскую эпоху было принято называть «беднейшими представителями крестьян и рабочих», а во все остальные обычно называют маргиналами. Действительно, только пьяница или лодырь в этих краях, к счастью, не знавших крепостного права, не мог заработать себе на достойную жизнь.

Следствием революции стали раскулачивание и переселение значительной части населения, репрессии, которым подверглось

казачество и множество других бед, обрушившихся на Кубань. Только потрясающее жизнелюбие и работоспособность народа позволили краю, оправившись после стольких потрясений вновь обрести прежний статус – житницы и жемчужины новой советской империи. Но неприятие всякого рода реформ, как правило, кровавых, непродуманных и мыслящихся только как очередной передел власти, осталось в исторической памяти кубанского народа.

В советскую эпоху Кубань никогда не числилась в ярко красных регионах, а демократия в начале 1990-х принималась, хотя и с чуть меньшим, чем в целом по стране, но все же энтузиазмом. Но когда стали очевидны последствия очередной российской «революции», развалившей страну и поставившей ее на грань катастрофы, подавляющее большинство населения с известным опасением отнеслось к демократическим реформам (такого краха не допускали даже советские вожди, а геополитические проблемы в «окраинных» регионах ощущаются еще более остро). Именно поэтому, так быстро стали «сдавать» свои позиции на Кубани демократы.

Три первых губернатора Кубани – В. Н. Дьяконов, Н. Д. Егоров, Е. М. Харитонов – назначались и снимались с должности указами президента. Четвертый кубанский губернатор – Н. И. Кондратенко – стал первым «всенародно избранным». К середине 1990-х гг. он объединил весь левый электорат в региональном блоке «Отечество» и пользовался очень высоким доверием избирателей. Его рейтинг, несмотря на достаточно широкий спектр политических предпочтений, как видно по результатам выборов 1996 г. составил 57,2 и 82,0 % (соответственно, в первом и втором турах выборов).

Электоральные предпочтения населения Кубани в течение пореформенного периода, также как и в целом по стране, существенно эволюционировали. Так, по итогам выборов в Государственную Думу в 2003 г. первое место занял проправительственный блок «Единая Россия»,

более чем в два раза опередив КПРФ. В 1999 г. соотношение между КПРФ и партией «Единство» составило 36,8 и 27,8 % соответственно. Вместе с тем, делать более общие выводы о ключевых политических ориентациях можно только на основании оценки полной картины результатов по ряду избирательных кампаний.

С учетом подвижности и изменчивости системы политических партий, участвовавших в выборном процессе их можно объединить в три блока – «демократический», «коммунистический и национал-патриотический», «центристский».

Анализируя предвыборную кампанию, можно утверждать, что фундаментальные ценности оказались значительно более устойчивы в сознании избирателей и те по *Краснодарскому краю в 2003 г.* партии и избирательные блоки, которые в своей программе апеллировали именно к этим представлениям, в итоге и поддерживались населением.

В 1993 г. демократы получили своеобразный аванс доверия, но, уже начиная со следующих выборов, демократические партии начинают стабильно «сдавать» позиции. Примечательно, что общий вектор электоральных предпочтений кубанцев полностью соответствует общероссийской тенденции: в 1993 г. за представителей демократических партий проголосовало 24,7 % кубанцев и 27,3 % избирателей по всей России, но темпы снижения популярности партий демократического толка на Кубани в 90-е гг. были значительно выше. В 2003 г. этот показатель в крае ниже аналогичного по стране уже почти в два раза.

1990-е гг. оказались для российского общества на редкость драматичными, внедрение демократии «по живому» породило невиданную стратификацию общества, рост бедности и маргинализацию значительной части населения, в итоге имидж демократов в общественном мнении оказался прочно связанным именно с длительным экономическим и социальным ухудшением.

Вместе с тем, на выборах 1999 г. правые партии смогли отстоять свои позиции. Широкую поддержку, в частности СПС можно объяснить позицией мелких товаропроизводителей, вставших на ноги благодаря решениям, которые в свое время принимало правительство С. Кириенко. В качестве доказательства приведем тот факт, что СПС имел достаточно высокий рейтинг не только в городах, но и на селе, где ведущую роль играют перерабатывающие предприятия. Если проанализировать итоги выборов в Краснодарском крае, то СПС преодолел 5 %-ный барьер даже в сугубо сельских и весьма стабильных в электоральном отношении округах. При этом, разумеется, наибольшую поддержку СПС получил на побережной части Кубани, а также в крупных городах, в первую очередь в Краснодаре [3].

В 2003 г. «лимит доверия» правым партиям был исчерпан практически полностью, а предпочтения кубанцев равномерно распределились между партиями национал-патриотического толка и центристскими. Здесь следует особо отметить, что образ КПрФ в сознании кубанцев прочно связан не столько с общероссийской партийной элитой, сколько с региональным блоком «Отечество», возглавлявшимся бывшим губернатором Н. Кондратенко и объединявшим все левые силы края. Таким образом, поддержка коммунистов на выборах определялась в итоге тем, что компартия входила в краевое «Отечество». Уход Н. Кондратенко с политической арены и приход другого, более молодого, энергичного, ориентированного на экономическое развитие региона А. Ткачева во многом предопределил и результаты думских выборов 2003 г. При этом, если оценивать итоговые результаты, практически никакого «смещения» ценностных ориентаций не произошло. Та часть электората, которая разделяла солидаристские и державные ценности голосовала в итоге за «Родину» и ЛДПР, а не за КПрФ. Более того, и результаты 1995- 1999 гг.

фактически отражали приверженность кубанцев не коммунистическим, а именно коммунитаристским и державным идеалам.

В этой связи следует отметить, что серьезные аналитики всегда воспринимали кубанского избирателя как «традиционалиста и консерватора, а не абсолютного сторонника коммунистической идеологии, как это может показаться при изучении электоральной статистики Кубани» [4], а не очень серьезные, вполне объяснимую неприязнь ко всякого рода шарлатанам от политики, принимали за оголтелую «коммунистичность».

Так, определяя основания политической культуры жителей края, В. А. Колосов и А. Д. Криндач выделяют следующие:

1) пограничность положения, способствовавшая формированию прагматично-индивидуалистических черт, предприимчивости, умения защитить собственные интересы;

2) постоянный миграционный поток нашел своеобразное отражение: с одной стороны – в терпимости к другим культурам, с другой – в высокоразвитом чувстве клановости;

3) регионализм и духовная независимость от центра – традиционные черты кубанского народа, но сочетаются они с прочным бытовым консерватизмом;

4) географическое положение определяет ярко выраженные державнические настроения [5].

«Никакого коммунистического наполнения в менталитете жителей Кубани нет, – утверждает известный специалист в области региональной политической культуры Е. В. Морозова, – речь скорее можно вести о социал-демократической ориентированности мышления с такими его установками, как госпатернализм в экономике, социально ориентированная политика, стабильность и неизменность социопрофессиональной структуры» [6].

Отметим и еще одну особенность «кубанского» голосования: рациональность – заведомо непроходимые партии, как правило, набирают в крае ничтожно малое количество голосов, по сравнению с общероссийской картиной и ситуацией в большинстве регионов.

Исходя из анализа ситуации, можно сделать вывод, что в среднем по России около 17,5 % граждан голосуют за «непроходимые» партии, тогда как на Кубани доля подобных голосований почти в два раза ниже (10,9 %). Электоральное поведение чрезвычайно важная, но не единственная составляющая политического поведения. Из всех партий и общественных объединений, представленных на политическом поле Кубани, наиболее ярким и влиятельным в пореформенный период был именно блок «Отечество». Что касается региональных отделений других партий, то в целом можно отметить их низкую эффективность и формализованность.

Не характерны для края и такие формы протестного поведения, как забастовки, голодовки, акции протеста. По нашему мнению, это не свидетельствует о социальной и политической апатии жителей Кубани. Достаточно вспомнить какой общественный резонанс имело, стихийно возникшее именно в Краснодаре, в 1992 г. на фоне событий в Абхазии, движение солдатских матерей. Протест женщин, чьих сыновей-новобранцев посылали в горячие точки, оказался настолько мощным, что в буквальном смысле слова «осажденная» власть была вынуждена вернуть эшелоны с солдатами в течение 2-х суток.

Настроения региональной политической элиты в исследуемый период также существенно изменились – от этатизма и национализма к прагматической интеграции в систему центристских воззрений. Показательна в этом отношении позиция нынешнего губернатора А. Ткачева, начинавшего свою карьеру в качестве политического соратника и приемника Н. Кондратенко. Под «сильным давлением» федерального центра он сменил политическую ориентацию и вступил в

ряды «Единоросов», но, несмотря на это, как бы «дистанцируется» от политической сферы, часто повторяя, что его партия - это «все жители Кубани».

Выводы. Кубанский избиратель отличается традиционализмом и консервативностью. В числе наиболее значимых ценностей жителями края определяются стабильность, социально-демократические идеалы, целостность страны. Вместе с тем, можно констатировать и такие элементы политического поведения, как низкую политическую активность, даже применительно к участию в избирательном процессе, рост доли протестного голосования, что, исходя из предложенной теоретической модели, является одним из проявлений политической инфантильности. Несмотря на высокий самоорганизационный потенциал, реализуется он на политическом поле Кубани достаточно слабо.

Библиографический список

1. *Магомедов А. К.* Модернизационные вызовы и ответы правящей элиты Краснодарского края // Мировая экономика и международные отношения. 2000. - № 1. - С. 69.
2. Электорат России в 1993-1995 гг. (по материалам социологических исследований) ЦСИ МГУ, Петров Н., Титков А. Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999-2000 гг. - М., 2001. - С. 48-95.
3. *Михайлов Р.* Кампания в регионах: Краснодарский край // Россия в избирательном цикле 1996-2000 годов. - М., 2000. - С. 306.
4. *Петров Н., Титков А.* Электоральный ландшафт // Россия в избирательном цикле 1999-2000 гг. - М., 2001.-С. 49.
5. *Колосов В. А., Криндач А. Д.* Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России // Полис. 1994. - № 6. - С. 26-27
6. *Морозова Е. В.* Региональная политическая культура. - Краснодар, 1998. - С. 343.

References

1. Magomedov A. K. Modernizacionnyye vyzovy i otvety pravjashhej jelity Krasnodarskogo kraja // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye odnoshe-nija. 2000. - № 1. - S. 69.
2. Jelektorat Rossii v 1993-1995 gg. (po materialam sociologicheskikh issledovanij) CSI MGU, Petrov N., Titkov A. Jelektoral'nyj landshaft // Rossija v izbiratel'nom cikle 1999-2000 gg. - M., 2001. - S. 48-95.

3. Mihajlov R. Kampanija v regionah: Krasnodarskij kraj // Rossiya v izbiratel'nom cikle 1996-2000 godov. – M., 2000. - S. 306.
4. Petrov N., Titkov A. Jeletoral'nyj landshaft // Rossiya v izbiratel'nom cikle 1999-2000 gt. - M., 2001.-S. 49.
5. Kolosov V. A., Krindach A. D. Tendencii postsovetskogo razvitija massovogo soznaniya i politiches-kaja kul'tura Juga Rossii // Polis. 1994. - № 6. - S. 26-27
6. Morozova E. V. Regional'naja političeskaja kul'tura. - Krasnodar, 1998. - S. 343.